

«Социология тайги»

Жизнь социума в тайге, попытка проникнуть в жизнь сообществ за контуром урбанистических пространств.

Дальневосточный социолог Леонид Бляхер, изучающий жизнь сообществ в тайге, поведал Алексею Фирсову, как он и его коллеги проложили исследовательский маршрут по реке Лене, по её таежным просторам. Они прошли около 1500 км, обследовали около 90 бывших и действительно существующих поселений, обнаружив там несколько типов сформированных сообществ.

Алексей Ф.: Что представляет собой исследование по структуре, какие инсайты удалось обнаружить?

Леонид Б.: На самом деле, было несколько посылов, которые привели к нашим уже многолетним блужданиям по реке Лене, по таежным ее просторам. Несколько лет назад было очень модным слово «пространственное сжатие» – в общем, совершенно объективная штука, когда люди из деревень уезжают в городки, из городков в города, из городов в мегаполисы, из мегаполисов в столицы. Соответственно, где раньше были деревни и городки, не остается ничего – пространство сжимается. По крайней мере, так оно официально звучит. Более того, возник термин «управляемое сжатие» – мы не просто так сжимаемся, мы делаем это осознанно, исходя из каких-то там соображений. Нам было совершенно удивительно, как это так? Есть леса, земля, пространство – и там ничего нет. Мы решили, что, на самом деле, так не бывает. Более того, это невидимость, а невидимость создавалась совершенно объективно. Дело в том, что не то, чтобы нет поселенческой структуры, а поселенческая

структура проблемная, поэтому статистические данные с этого места не поставляются. И гораздо проще сказать для статистического служащего, что там ничего нет. Соответственно, мы выделили большой район. Почему Иркутская область? Она там лидер по количеству межселенных территорий, то есть, где нет селений и статистики. И решили посмотреть, что там есть. Отправная точка была, как всегда, абсолютно случайная. Мой друг поехал на рыбалку, думая, что там ничего нет и там просто хорошая рыба. И оказалось, что не только он так предполагал. Мы нашли некоторое количество больших строений, поселений, характер которых никак нигде не обозначается. И нам стало интересно пройти по этой территории, прошли мы ее почти за два года. Передвигались на нескольких моторных лодках, соответственно, каждый день расставляли и собирали лагерь, заходили в каждую попавшуюся деревню. Мы обязательно останавливались в местах, которые обозначались на картах, делали фотографии и видеосъемку. Обследовали в совокупности около 1500 км, около 90 бывших и действительно существующих поселений. Было проведено несколько интервью с предварительно подготовленным гайдом, несколько ретроспективных интервью с людьми, которые сегодня живут в Иркутске, ну и с большим количеством людей, которых мы называли «информантами» – то есть беседы, которые не были связаны с предварительно подготовленным гайдом, а протекали сами по себе.

Алексей Ф.: Правильно понимаю, это люди, которые живут в поселках, которые формально числятся закрытыми, лишенными жизни, ликвидированные, но там остался определенный социум?

Леонид Б.: Вполне. Более того, там не остался социум. Юрий Михайлович Плюснин и его коллеги, например, Артем Познайка, описывали ситуацию, где остался социум. Там, где мы проводили исследования, там социум не остался. Там возник новый социум, которого не было до того, как эти территории стали пустыми. Нам это показалось наиболее интересно.

Алексей Ф.: Этот новый социум – рудименты тех жителей, которые когда-то там жили или пришедший?

Леонид Б.: И то, и то. Есть и коренные, но их очень мало, наверное, на первые 300 км человек чуть больше сотни, а вот пришлых – гораздо больше. Там и те, и другие представляют собой некий симбиоз и комфортно там проживают. Конечно, это не совсем пришлые. Это пришлые из прилегающих территорий.

Алексей Ф.: Какая средняя численность такого поселка?

Леонид Б.: Фантастически разная от 5,6,7 до нескольких сотен, про тысячи я боюсь сказать. У одного даже совершенно шикарное название – это «Бывший населенный пункт».

Алексей Ф.: Давайте начнем с мотива. Что побуждает людей, лишаясь определенного уровня комфорта, жить в этих местах?

Леонид Б.: Несколько моментов. Для жителей этих поселений резон был бы один, но он жесткий и повторялся из раза в раз «я здесь хозяин», в любом другом месте – я работник, я наемник, я подчиненный, а здесь я хозяин. Для надзирающего ока – это пространство сжалось, а для человека, который там живет, оно расширилось. Ему стали доступны те формы жизни, которые были жестко регламентированы и запрещены, карались и тому подобное. А сейчас они все идут сюда, потому что здесь пусто.

Алексей Ф.: Вот смотрите, Леонид, советской власти у них нет, полиции нет, каких-то других органов нет. Как вообще выстраивается то, что мы называем поддержкой порядка, то есть некое нормальное функционирование безопасности, с какими-то

понятными разграничениями и так далее?

Леонид Б.: Вы знаете, чрезвычайно интересно. Фраза «нет» – не совсем правда. Мы ее не случайно назвали не отсутствующая, а дистанцированная власть. Она есть. И в каждой территории, даже абсолютно пустой, есть человек, который может мобилизовать ее. Строго говоря, вот этот хозяин, которого все вокруг называли олигархом, при необходимости является одним из мобилизаторов власти, он может ее призвать на территорию. У него нет бандитов, как в 90-е было принято у крутого мужика. Он мобилизует местную власть в случае каких-то сложных ситуаций. Причем это устраивает местную власть на порядок. Они просто физически не могут контролировать эту территорию, ну просто бензина не хватит, дорог нет, где-то просто нужны какие-то супервнедорожники, КАМАЗы, чтобы вообще как-то проехать. А наличие такого человека позволяет на самом деле писать районные власти хорошие отчеты.

То есть это нам, честно говоря, и показалось самым интересным. Как меня учили в университете, не в школе, что главная задача захватить монополию на легитимное насилие. Здесь возникает ситуация: самое главное – найти того, кому можно эту монополию передать.

Алексей Ф.: То есть, смотрите, Леонид, делаем модель. Случилось бытовое преступление в состоянии алкоголизма или как-то еще. Есть факт. Кто совершил, допустим, непонятно. Ну это даже неважно, может быть, и понятно. Как дальше происходит алгоритм: об этом докладывают хозяину или нет?

Леонид Б.: Если это работник хозяина или если это какая-то сфера, значимая для хозяина, да. Сразу же принимаются меры, сразу приезжает полковница-баба по нашему. С другой стороны,

был эпизод, который мне очень понравился. Мы наткнулись на сгоревшую баню. Уже построена новая, но было видно, что стояла баня и она сгорела. И местный человек рассказал, что когда появились люди из Иркутска, местным это сильно не понравилось и они сожгли её. Раньше, говорит он, за такой мелочью никто не приезжал. Приехали люди, поступили по закону. В общем, все было плохо, местных покарали. Но очень показательно, строго говоря, что можно не увидеть, предпочитают не видеть.

Алексей Ф.: Есть ли какое-то тогда некое местное самоуправление, которое помогает разруливать такие конфликтные, спорные ситуации, какая-то общинность?

Леонид Б.: Есть, но её связывают вот эти мобилизаторы, инфорсеры, невластные инфорсеры, если угодно. В нескольких деревнях, где не было статуса поселения, был человек, который представлялся нам как мэр. То есть, строго говоря, староста. И он рассказывал, как он обеспечивает своих сахаром. Он убил какое-то животное, им мяса дал. То есть какой-то такой момент самоорганизации включается. И вот этот мэр-староста, видимо, активный человек, именно он выстраивает отношения с хозяином.

Алексей Ф.: Мэром или старостой его избрали или он сам себя назначил?

Леонид Б.: Вот я не смог понять, был ли там какой-то выбор. Но, как правило, это самый молодой в деревне, то есть это мужчина лет 35-40, сильный, в отличие от остальных где-то работающий, имеющий какой-то доход, ну и, соответственно, окормляющий эту деревню.

Алексей Ф.: Я понял. Можно сказать, что народ там много пьет

или нет?

Леонид Б.: Вы знаете, нет. Очень по-разному. Но есть пьяницы, безусловно. Мэр одного из поселков говорил: «Вот, у нас там живет семья, и они пьяницы». А так, в принципе, там очень много охотников, рыбаки, они все что-то, ну извините, химичат. Есть местные промыслы – тоже один глав старост рассказывал, что они собирают ягоды и через этого самого барона отвозят их в Усть-Кут, там продают нефтяникам, газовикам, местным жителям и так далее. Таежные ягоды особо ценны. Есть мужчина в деревне, он построил ряд бань, переделал под жилье и сдавал их приезжим любителям рыбалки. Там промыслы есть, но они не являются бизнесом, люди просто регулярно этим занимаются. Это, если угодно, в каком-то отношении почти руссоистский идеал. Единственное, что на предприятиях этого хозяина достаточно жесткие условия. Нас просто поразило, один из моих коллег историков говорит, что там практически воспроизводятся правила на царских приисках – ни пить, ни курить, работа и отдых по сигналу.

Алексей Ф.: Ну это и у нефтяников, им тоже же ведь на вахтах нельзя пить.

Леонид Б.: Есть очень важный нюанс. Вот эти олигархи берут на работу местных жителей, ну в крайнем случае из соседних районов. Кстати, еще важный момент: в его столице, там, где у него цеха, там, где у него молокозавод и так далее, там очень жесткие правила. Его работники живут в деревнях, то есть, собственно, это жители деревень, там правила гораздо более мягкие. Он, видимо, как-то различает тех, кто полностью от него зависит, и местных – у местных есть некая такая особая легитимность.

Алексей Ф.: А что с медициной? Допустим, заболел зуб. Я не беру какие-то серьезные вещи.

Леонид Б.: На самом деле, все плохо было уже в советские годы. По ретроспективному интервью, когда заболел зуб у жителя поселка Орлинга – там был большой поселок, там то ли 1500, то ли 2000 человек жило – он ждал попутного катера или вообще какого-то корабля для того, чтобы поплыть в райцентр Жигалово или в город Усть-Кут. Раньше были фельдшерско-акушерские пункты, сейчас они больше как реликт. То есть с медициной все плохо – это реально так.

Сейчас мы готовим экспедицию, видимо, уже на днях начнем. Может, там, где столица местного хозяина по-другому. Просто мы там не останавливались. Сейчас целенаправленно едем туда, посмотреть, как там будет. Ну в поселках плохо с медициной.

Алексей Ф.: А если какая-то срочная помощь, ну уж тут какой-то наверняка умелец?

Леонид Б.: Может, знахарь, да, какая-нибудь бабка.

Алексей Ф.: Про знахаря я отдельно хотел спросить. У меня будет отдельный сакральный вопрос.

Леонид Б.: С сакральными у нас плохо. Почему-то не обнаружили мы особо сакральных практик. Обнаружили магазины. Что значит магазины? Есть предприимчивая тетенька, которая ездит в райцентр, закупается или для нее закупают. Соответственно, на кораблях или на катерах привозят. Все знают, что к ней можно постучаться и купить то, что ему надо – хлеб, водку, колбасу,

сахар – это там очень ценный продукт. Формально этих магазинов тоже нет.

Алексей Ф.: Я понял, да. Раз про сакральное заговорили, есть шаманы, бабки, знахари?

Леонид Б.: Я, честно говоря, ожидал, начитавшись работ по людям реки, у меня коллега сказал, что там все очень похоже на то, как происходит на Амазонке. А там основные описания – сакральные практики индейцев, которые живут на Амазонке. А люди там, где мы были, до фантастики рациональные. То есть настолько рационально каждое действие, каждое поведение. Вот сегодня надо заниматься этим, потому что если это не сделать, зимой будет плохо, не будет такого-то продукта – я этого не обнаружил, каких-то сакральных практик. Разве что особое отношение к медведю, особое отношение к каким-то местам, что это злое место, туда нехорошо ходить. Шаманов мы не обнаружили, хотя, может быть, слишком быстро ехали. Если сейчас будем жить в каких-то местностях, может, и найдем что-нибудь такое.

Алексей Ф.: А что происходит с отходами? Их сваливают куда попало или там все-таки более-менее следят за чистотой территории?

Леонид Б.: Честно сказать, это же классический вариант, там отходы все естественные, они перегнивают. Это же ни пластик, ни пластмасса.

Алексей Ф.: Может, пластик какой есть, канистры, пакеты?

Леонид Б.: А это ценность, это они не выбрасывают. Все, что не производится в хозяйстве – это ценность. Выбросить могут отходы естественного происхождения: рыбу разделали – кости выбросили, они перегниют.

Алексей Ф.: То есть ощущения, что эта территория грязная, нет?

Леонид Б.: Вообще нет. По рассказам одного из респондентов, он был активным предпринимателем в этом районе в середине 90-х годов, вот тогда, по его словам, был кошмар – и грязь, и нефть. В общем, всякие такие нехорошие вещи. У нас же была совместная экспедиция – социологи, антропологи и биологи. Так вот, биологи говорят, что все очень хорошо и очень вкусно.

Алексей Ф.: Как строятся гендерные отношения? Есть ли там драки, романы, какие-то связи?

Леонид Б.: Алексей, я боюсь, что не скажу. Просто, опять же, мы за два года прошли 1500 километров. К сожалению, это слишком большая скорость передвижения. Женщины там есть. И более того, дама предпринимательница, фермерша, о которой мы говорили. Мы сначала увидели ее мужа, попросили его побеседовать с нами, он сказал: «Это к тебе», и позвал свою жену.

Алексей Ф.: А у работников есть жены или спутницы?

Леонид Б.: Есть жены, есть спутницы. Я не знаю, мы не спрашивали, честно сказать, их matrimониальные всякие сложности. Но я не обнаружил патриархальной забитости. Не везде, но есть дети, такие очень серьезные молодые люди трех-

четырёх лет. Где-то даже садики есть, школы в некоторых поселках.

Алексей Ф.: Школы есть? Я это как раз и хотел спросить. То есть какое-то школьное образование там возможно?

Леонид Б.: Да, да. Собственно говоря, на первом отрезке – от Жигалово до Усть-Кута – там ничего нет. Последняя школа была закрыта непосредственно перед экспедицией. И местных детей увозят в интернаты учиться, в Усть-Кут, поэтому, скорее всего, эти поселки и вымрут. А дальше, да, есть местные школы. Там учителя все жалуются. Однажды они не смогли привезти детей на ЕГЭ, которых надо было везти в город – дорога там специфическая, а еще там река. В мае там еще по реке не плывут, она еще подо льдом. И в общем, дети остались без ЕГЭ. Ну в целом школы есть.

Алексей Ф.: Значит, есть и учителя. А учитель – это тоже особая фигура?

Леонид Б.: Она всегда была особой. По ретроспективным интервью было три типа власти. Первый тип власти – это заготконтора и связанные с ней охотники, это элита. Вторая – советская, наименее значимая (ну знали, что она есть). И третья власть, такая, скажем так, меритократия – это учителя.

Алексей Ф.: Еще и хозяева, как вы сказали, держатели экономического.

Леонид Б.: Это потом. Это постсоветское. А вот в советские годы было три власти – заготконтора и охотники, учителя.

Охотники обладали фантастической властью. Они определяли место, где они будут делать посадочную площадку для вертолета. Когда охотник на участке, никто не имел права подходить к нему. Очень много всяких вещей нам рассказывали. Люди стали уезжать как раз тогда, когда появился хозяин. Потому что они из позиции хозяина тайги оказались наемными работниками. И если хозяин готов терпеть какие-то бытовые неудобства в силу своего особого статуса, то вот работник их терпеть уже не очень хочет. Он должен или много получать, или он просто сваливает. И поэтому, собственно говоря, вот эта территория первого нашего участка – 320 километров – она опустела. Дальше немного по-другому складывались коммуникации, там дальше что-то уцелело больше. Ну, из советского наследия.

Алексей Ф.: Встречались какие-то необычные социальные практики, которые вообще сложно встретить нам в своей эмпирической городской жизни, которые каким-то образом по-новому раскрывают человека или общество, какой-то социум? Мы же в индейцах можем увидеть что-то, чего нет у нас, и думаем, а хорошо бы, чтобы это у нас было, например, или какие-то моменты нового для нас.

Леонид Б.: Видите, честно сказать, в нормальной ситуации нужно лет пять-шесть там пожить для того, чтобы мои работы были на том уровне, как работы, больших-больших хороших антропологов. А то, что мы имеем – это летняя экспедиция, это все-таки очень специфично. Что мне показалось? Ну две традиционные вещи: есть отношения конкуренции, привычные, нормальные, внедряемые последние 30 лет, есть отношения солидарности – там уровень солидарности людей гораздо выше, уровень готовности идти на уступки, компромиссы, уровень делится. Причем делятся не потому, что обязательно. А потому что: «Ну как? Ну свои же».

Вот эта женщина фермерша, она обеспечивает молоком несколько

окружающих деревень, она обеспечивает школу и так далее. Причем это ее, что называется, порыв души. Нас обеспечивала сыром и творогом. Когда мы пытались говорить с ними, было постоянное ощущение, что человек мучается между двумя крайностями – ему хочется то ли тебя накормить до отвала, то ли прирезать. И он так мечется между этими двумя желаниями и никак не может определиться, что же ему, собственно, с нами делать.

А что касается вопроса о криминальной обстановке, вы знаете, с одной стороны, ружья практически у всех, но это нормальная ситуация, потому что мишка, он такой нехороший – кушает всех, а с другой стороны, какого-то ощущения опасности нет, разве что в самом городе Усть-Кут, а за его пределами как-то такого не было.

Алексей Ф.: Леонид, а можно сделать из этой всей истории что-то вроде такой особой разновидности внутреннего туризма для этих зажавшихся горожан? Посмотреть на какую-то аутентiku, на то, что они никогда не встречают?

Леонид Б.: Дело в том, что он там не активно развивается. Самое интересное, что эти пустые места – не пустые и для горожан. Там есть любители рыбалки, любители сплава – там привычные люди. Даже когда мы плыли по пустому участку, пристали к тетке в магазине, соответственно, купить три конфетки и еще что-то – это повод поговорить. И тетка говорила: «что до вас шли... они вообще дураки, они на байдарках шли, без мотора – это вообще больные на голову». То есть это не луна, туризм там есть. Другой вопрос, что надо просто понимать, что километров через 500 от Иркутска дорога кончается от слова «совсем», то есть ее там просто нет. Потом она в какой-то момент появляется, когда там трасса БАМа проходит, ну, собственно, в городе Усть-Кут. Потом она опять

исчезает.

Скажем, мое первое ощущение, как городского социолога по большей части, что меня выкинули в космос и забыли дать инструкцию. Что я, собственно говоря, должен там делать. Это действительно комфортный минимум.

Вопрос очень важный: все располагаются у рек. Все, кроме нефтянки, завязано на реках. Это люди реки. Река там – ключевой момент. Не на черепахе и слонах стоит Земля, Земля стоит на реке.

Алексей Ф.: И рыба, и коммуникация – партите, правильно я вас понял?

Леонид Б.: Река – это дорога. И деревни исторически – мы брали старые карты – они всегда были около них.

Алексей Ф.: Да. Владислав поднял руку.

Владислав Шулаев: У меня родился вопрос по этой части. На мой взгляд, по методологии очень похоже на глубинную Россию Глазычева, начала нулевых годов, по крайней мере, по географии, по маршруту. У Глазычева еще было параллельно измерение денежного уровня этих населенных пунктов, у него там было три основных измерителя – цены на дискотеки, цена недвижимости и минимальная цена алкогольного напитка, то есть емкости. Понятно, что дискотеки там не проходят, а вот сколько стоит чекушка или что-нибудь такое, есть ли что-то?

Леонид Б.: Прошу прощения. Специально не исследовали. Что было? Ну во-первых, большая часть предпочитает не чекушки, а самогон. Чекушка стоила от 50 до 100-120, дороже я не встречал. В городах цены вполне городские, то есть в этих маленьких, в Усть-Куте, в райцентре Казачинском, в Магистральном – там несколько есть поселков больших живых – там цены вполне городские, сравнимые с Иркутском, с Москвой, это вполне дорогие цены. А цены на жилье феерические. То есть, честно говоря, у меня не укладывается в голове представление, что двухкомнатная квартира может стоить 60 000 в месяц. Ну не долларов, а рублей, но это все равно очень дорого, ненормально.

Алексей Ф.: Ну это московская. В целом в Москве за 60 000 сейчас можно двушку снять.

Леонид Б.: Извините, в Хабаровске за 30 000, ну 35 000. И когда в маленьком поселке с 3000 жителей, то цена не совпадает. Что же касается местных поселений, то там получается совсем другая ситуация. У человека должно быть какое-то легитимное право переделывать любое строение. Строения есть, строения сибирские, сложенные из огромных бревен, такие, которые еще века простоят. Но если он, допустим, родственник когдатшнего жителя деревни или сам был когда-то жителем этой деревни, он берет просто любое строение и переделывает исходя из своих нужд. Мы, допустим, видели дома, в которых были прорублены ворота. То есть дома – это, строго говоря, гаражи для катеров. Ну как дом он уже не используется. Как дом используется, как правило, овин, потому что он меньше и его проще отапливать. А дом используется как гараж.

Денис Львов: Да. Леонид, очень интересно. Спасибо большое. Скажите, пожалуйста, ну вот мы – идентичность, социальная

идентичность, а есть ли у них какие-то выходы на более крупные определения – я как часть России, я как часть православного?

Леонид Б.: Очень по-разному и очень сложно. Ну скажем, в одной из деревень, заново освоенных, единственным легальным жителем был прибалт. Он в каких-то 80-х годах туда пришел и там остался, прижился. Многие жители там оказались по разным причинам в разные периоды. Кто-то осознанно уходил из городов, кто-то уходил не совсем осознанно. То есть я не нашел такой жесткой ассоциации. Реальность, она здесь и она видима. Хотят поругать начальство, поругать гадов, которые живут в Москве и вообще «все там продали» – это нормально, этот стиль есть. Но в принципе, скорее, местное сообщество, которое настоящее, определяет себя так: «Мы – настоящая жизнь, мы возрождаем Россию, мы вкладываем в родную землю, в отличие от всех остальных, которые все деньги вывозят в Куршавель, и, в общем, все они такие неправильные».

Один раз была ситуация, когда мы встретились с очень пьяным человеком, который бежал от медведя в одном плаще и без всего остального с разобранным мотором на лодке, вот он нам говорил о политике, но это был единственный случай, и он явно был очень сильно пьян. В трезвом состоянии это просто не тема для разговора. Мы не говорим каждый день об особенностях атмосферы Венеры.

Денис Львов. То есть никаких там культурных идентичностей, религиозных и так далее?

Леонид Б.: Нет. Очень важный момент: в одной из деревень первоначальная легитимность местного олигарха была в том, что он строил церковь. Но церковь – это не столько даже сакральный момент, сколько именно точка сбора, культурная потребность и

идентичность. Вспомнить даже классиков типа Дюркгейма, религия – выражение местного сообщества.

Алексей Ф.: Вся эта большая повестка типа СВ0 их вообще не затронула никаким образом?

Леонид Б.: Во всяком случае, мы ни от кого ничего по этому поводу не слышали. Специально не актуализировали, честно говоря. То есть каких-то таких вопросов об этом не было, нас интересовало просто немножко другое.

Денис Львов: То есть мы здесь, а все остальные, неважно кто, американцы, португальцы или москвичи, в общем, где-то все в одном месте?

Леонид Б.: Нет, есть хорошие люди. Вот один из интервьюеров рассказывал, что приезжали хорошие люди, японцы – «Им так наш хлеб понравился, сразу видно, хорошие люди».

Алексей Ф.: Скажите, Леонид, а с точки зрения Государства Российского, вся эта общность, она является ресурсом?

Леонид Б.: Вы знаете, я не готов сказать об этом, вот честно скажу. Это применительно к Восточной Сибири и Дальнему Востоку некая специфическая форма симбиоза. Где-то лет 15 назад начался процесс диаметрально противоположный тому, что был с начала постсоветских лет. Постсоветский период – это процесс центростремительный. Потом возник западный тренд, народ стал уезжать, в регионах народ стягивается к крупным городам. Вдруг пошел обратный процесс. В городах люди переезжают в пригород, причем все более, более и более далекий пригород. Город

становится опасным, город становится кислотным, а вот там лучше. Соответственно, вдруг становится модным, становится невероятно крутым иметь усадьбу не в пригороде, а вот в таком месте.

По интервью с городскими предпринимателями, главная ценность, которую они готовы купить за любые деньги – это невидимость. Здесь она дается по факту. На мой непросвещенный взгляд, не вот эти люди тайги, а вот эти «серые» люди – это и есть спасение. Вспомним: они исчезали из всех отчетов. Скажем, решил царь-батюшка, что Восточная Сибирь ему нужна для серебра, и все охотники исчезли. Они живы, но они нигде не фигурируют. И вдруг, когда начинаются проблемы, вот эти невидимки всплывают и спасают.

Когда мы говорим об экономике России, почему, собственно говоря, экономические прогнозы просто не видит их, эти люди идут мимо нее. Соответственно, статистика и слова «экономика» не подходят, потому что экономика – это все-таки наука с жесткими границами, и я в ней не понимаю и боюсь о ней говорить. Но есть замечательное слово «хозяйство». Так вот, стандартная статистика и российское хозяйство соответствуют примерно, как мой кошелек и цены на дрова в Южном полушарии.

Алексей Ф.: Расскажите истории, которые как-то характеризуют этих людей, эту общность, может, какую-то местную легенду?

Леонид Б.: Мы плыли с биологами. Биологи обязательно брали пробы грунта, пробы рыбы и так далее. Вот подъезжают местные ребята и говорят: «Это наша река, мы здесь ставим сети. Вы все враги». Поскольку с нами плыл главный эколог Иркутска, то он сказал: «Я тут большой и толстый». Ну он не толстый, он худой, ну в смысле важный. Мы решили, что поскольку у нас в палатке

топорик, а у них два карабина, то они круче, поэтому снимаем сети. Но когда мы снимали сети, одну забыли. В общем, дождь, неуютно, плохо, холодно. Сеть забыли, а они нам утром ее привезли.

Алексей Ф.: Именно что-то такое и хотелось. То есть точно так же, как вы сказали – то ли накормить до отвала, то ли зарезать, это впитывается.

Владислав Шулаев: Есть ли особое эмоциональное отношение к реке Лене? Может быть, ритуалы?

Леонид Б.: Есть ритуал такой бурятский, называется бурханить. Перед тем, как выпить рюмку, надо капельки сбрызнуть по четырем сторонам света, как бы принести духам. А идеальный вариант, если ты сильно пьешь, мне объяснял местный человек, надо рюмку вылить в реку.

Леонид Б.: Был вопрос в чате о регистрации прав собственности. Регистрируются, но это очень весело. Товарищ нам некий, вот тот самый сильно пьяный человек, который про политику говорил, сказал, что он прикупил пару гектаров, точно не знает, сколько. То есть оно там есть, но в общем не очень понятно, что он купил, но права собственности у него есть.

Алексей Ф.: Какие-то этнические группы там остались?

Леонид Б.: Ну эвенки. Это же эвенкийский мир.

Алексей Фирсов. А вот с ними-то есть какое-то взаимодействие?

Леонид Б.: Ну как, нет этнической специфики. Это не индейцы, которые живут в резервации. Они живут в тех же поселках, занимаются теми же. У людей чуть-чуть другой разрез глаз и иногда чуть-чуть другие имена, но тоже не всегда. «Бурханить» есть в общем и у тех, и у тех.

Денис Львов: То есть у них разделения на «мы» и «они» внутри по этническому признаку тоже нет, есть только чисто территориальное разделение на то, что мы здесь живем, а они где-то там, все остальные, да?

Леонид Б.: Друзья, давайте я все-таки очень поосторожничаю, я этого не увидел. Может быть, есть. Опять же говорю, в свое время очень справедливо меня ругал Илья Штейнберг, что все это проходит на третьей космической скорости, и очень многое мы могли пропустить – это правда.

Денис Львов: Скажите, если там такая сильная именно территориальная идентичность, при этом вы же через несколько населенных пунктов проехали?

Леонид Б.: Девяносто.

Денис Львов: Между этими населенными пунктами отношения какие-то более специфичные, чем между ними и, например, тем же Иркутском и Усть-Кутом?

Леонид Б.: Нет, это все свои.

Денис Львов: То есть если они в таком же положении, на той же

реке. Они такие же как мы, в этом смысле разделения между условной деревней вот здесь и деревней, которая через 25 километров нет?

Леонид Б.: Нет абсолютно. Это их мир. То есть человек может быть прописан в одной деревне, а физически проживать в другой – это нормально. Или, допустим, летом он проживает в одной деревне, а на зиму он уезжает в другую, то есть немножечко кочевое в каком-то отношении хозяйство.